

A detailed illustration of a medieval market scene. In the foreground, a young man and woman stand facing forward. The woman has long red hair and wears a brown dress with a white headscarf. The man has dark curly hair and wears a green tunic with a dark vest. They are in a bustling market with stalls on the left displaying various goods like bread and dried meat. Other people in period clothing are seen in the background. In the distance, a large stone castle with multiple towers and battlements sits atop a hill under a cloudy sky.

Зимин Сергей

Лёд для графини

18+

Зимин Сергей

Лёд для графини

<https://litres.ru/74457288>

SelfPub; 2026

Аннотация

Наш соотечественник, восходящее светило отечественной биохимии, погибший при диверсии в лаборатории и очнувшийся в грязной лавке сельского целителя, проделал большой путь. Он уже юнкер и муж дочери барона, но судьба-злодейка и не думает останавливаться. Ему предстоит быть представленным графу Марку Аврелию. Как примет дворянство нашего лекаря? Об этом и многом другом читайте в книге "Лёд для графини"

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Зимин Сергей

Лёд для графини

Глава 1

«По воле и приказанию Его Высочества Марка Аврелия Северана графа Ольденбургского.

Юнкеру Алексу фон Штейнфурту и супруге его, благородной госпоже Элеоноре фон Штейнфурт.

Нам стало известно о деяниях ваших, совершенных в селении Каменный Брод. Посему, желаем Мы лицезреть вас при дворе нашем, дабы из первых уст выслушать истории деяний ваших и воздать по заслугам подданным столь ревностным и старательным.

Поелику Мы извещены о печальном состоянии дорог, то срок вам назначаем, как просохнут дороги.

Писано со слов Его Высочества Марка Аврелия Северана графа Ольденбургского и самолично скреплено подписью и печатью в год две тысячи триста первый от основания Великого Рима.»

Алексей закончил читать переданное ему гонцом барона послание и с тяжёлым вздохом опустил пергамент на чисто выскобленный стол своей лавки. Свиток, украшенный золотистой сургучной печатью с оттиском римской аквиллы на

фоне лаврового венка, лег рядом с новым небольшим арбалетом, который было удобно заряжать сидя на коне. Староста с тех пор, как ему в руки попал образец, очень увлёкся данным видом оружия и наделал уже больше десятка разных моделей. Одни шли в утиль, другие получали одобрение. Лучшие образцы предъявлялись юнкеру. Алексей подсказал ему идею многозарядного арбалета. Его когда-то поразило это торжество сумеречного китайского гения и хотелось такую же игрушку. Кузнец проникся идеей делать по много выстрелов подряд и уже неделю не вылезал из мастерской, где обсуждал эту идею со столяром Отисом.

Элеонора фон Штейнфурт, сидевшая напротив, подалась вперёд, её глаза, цвета весеннего леса, ловили каждое его движение, каждый оттенок в его голосе. Её пальцы бессознательно теребили край простой домотканой скатерти, но в её воображении уже мелькали отсветы витражей, шелест шёлковых платьев и торжественная музыка при графском дворе в далёком, сияющем Ольденбурге. Алексей же сквозь эти скупые, канцелярские строки видел лишь одну перспективу — проблему. Большую, запутанную, двойную проблему: как оставить Каменный Брод без своей защиты и как не дать себя раздавить в столице, где они с женой будут никем.

Алексей, поглядел на Элли и проговорил,

— Ну что, дорогая, — его голос прозвучал сухо, без восторга, — нас вызывают на ковёр. Ко двору самого графа Марка Аврелия. Судя по тону послания, он лично наведася

в Худе, и шкура нашего милого маленького щеночка произвела на него, гм, определённое впечатление.

— Тогда начинаем готовиться немедленно! — Элеонора вскочила, и её движения стали резкими, деловитыми, какими они бывали, когда она командовала женщинами во время Волчьей Осады. — Тебе нужен меч. Настоящий, с гардой и позолоченным эфесом. И плащ, хороший, не этот поношенный...

— Меч? — Алексей откинулся на спинку стула, смотря на неё с неподдельным изумлением. — Дорогая моя Элли, зачем мне меч?

— Как «зачем»? — удивлённо округлила глаза Элеонора, — Пояс нужен, мужчине, чтобы не потерять шоссы, а меч — чтобы не потерять честь! — Выдала она явно заученную фразу и гордо вздёрнула носик.

— Дорогая, что заставляет тебя думать, что наличие на поясе длинномерной железки, которой я не умею махать, защитит мою честь больше, чем отсутствие оной? Я же им смогу кого-нибудь зарубить, только если оный гражданин впадёт в полный ступор и, к тому же, зажмурится.

Уголки губ Элеоноры дрогнули. Она представила картину: её учёный муж, отчаянно размахивающий огромным клинком, в то время как уважаемый рыцарь в полных доспехах стоически ждёт, пока тот не устанет. Она фыркнула, а потом рассмеялась, звонко и легко, сбрасывая напряжение.

— Дурачок ты мой, — она перешла через комнату и неж-

но потрепала его по взъерошенным волосам. — Речь не об умении. Меч, он нужен для статуса. Простолюдинам нельзя носить мечи. Если ты с мечом, то, значит, ты дворянин. Это сразу все видят. И будут относиться соответственно.

— А стражники, вон, тоже с мечами. Они что, все поголовно дворяне?

— Нет. Но у них и мечи другие. Дешёвые железки.

— Ну, а где мы тут найдём дорогую железку, любовь моя, — поинтересовался Алексей. — Тут топор если есть, уже хорошо. Давай, без меча обойдёмся. И так, чувствую, траты нам призрадные предстоят.

Элеонора надумала было обидеться, как это, её муж и без меча? Как же он будет её защищать. Но, по зрелому размышлению, решила, что защищать её магией ничуть не хуже, чем мечом. И, если уж юнкер Алекс завалил такого волчищу, то и с другими обидчиками справится.

На дворе стоял конец месяца фебруариуса. До времени, когда весеннее солнце «просушит дороги», оставалось как минимум полтора-два месяца. Время для сборов было, и Элеонора погрузилась в него с рвением полководца, планирующего кампанию.

Первым пал её гардероб. Она с воодушевлением вытащила несколько когда-то лучших платьев, но Алексей, придирчиво оглядев её выросшую в некоторых местах за год фигуру и осторожно заметил,

— Солнышко, мы оба уже не те, какими были год назад.

Ты стала во многом более женственной. Причём, прилично более. Ткань натянется не там, где надо, и будет кричать о провинциальной бедности громче любых слов. Шить надо на месте, в Ольденбурге. У них там, небось, и ткани другие, и покрой модный.

Алексей надеялся, что того золота, которое он получил за лечение от Отто хватит, чтобы справиться Элеоноре более-менее приличное платье. А за себя он не переживал, он в любой одежде неотразим. Да и оставался запас монет от собранных с села налогов после того, как оговоренная треть была отдана барону.

После долгих споров решили ехать верхом. Лошади давали и скорость, и проходимость по просёлочным дорогам, и независимость от телег. Грузоподъёмность, конечно, падала, но для них двоих, не обременённых свитой, это было не критично. Расстояние от Каменного Брода до Ольденбурга не было бескрайним, а ночевать можно было на постоянных дворах — дорога пролегла через обжитые места.

Однако, когда вещи начали собирать в походные выюки, Алексей с изумлением обнаружил, что «самое необходимое» разрастается с угрожающей скоростью. Здесь и кресало с огнивом, и запасные шплинты для арбалета, и шпильки для волос, и тубики с мазями. Отдельный, тщательно упакованный кожаный мешок занимала дорожная аптека: несколько крошечных, бесценных склянок с «напитками маны», антисептики, болеутоляющие, стимуляторы. Смены прочной,

немаркой одежды, плащи, непромокаемые чехлы... Каждый предмет находил своё логичное оправдание, и от каждого было невозможно отказаться.

Смирная гнедая кобылка Элеоноры, та самая Белочка, по вине которой всё и началось, после выздоровления хозяйки превратилась в образец кротости. Она аккуратно ступала, чутко ловила каждое движение Элли и, кажется, испытывала тихую вину, которую пыталась загладить безупречным поведением. Конь Алексея, вороной жеребец по кличке Уголь, был полной её противоположностью — норовистый, с независимым взглядом и привычкой проверять седока на прочность. Однако, Алексей рассчитывал с ним договориться с помощью дара.

Всё свободное время Алексей отдавал написанию справочников для Генриха, куда впихивал все свои знания по микробиологии и химии. Генрих, к его великому изумлению, проявлял огромную тягу к учёбе и запоминал совершенно невозможные, на взгляд Алексея объёмы информации. Поразмыслив, юнкер пришёл к выводу, что это является причиной хронической неграмотности жителей селения. Невозможность что-либо записать приводит к необходимости запоминания таких объёмов информации, от которых встанут волосы дыбом у любого жителя двадцать первого века. И, хотя, объём информации, поступающей в мозг через глаза и уши в его потерянном будущем сильно вырос, но, вот, запоминание и качество обработки сильно упали. А Генрих

обрабатывал и укладывал по полочкам в своей голове всё, что получал от Алексея. В свои почти тринадцать он легко справлялся с большей частью потока пациентов, приходящих с ушибами, растяжениями или нагноившимися занозами. Избавлял от паразитов и вшей. Видел больные органы и собирал анамнез, историю заболевания, с дотошностью следователя НКВД. Его уже даже стали называть мастер Генрих.

После того, как Алексей женился на дочери барона, матримониальный интерес к нему со стороны всех обладателей дочерей на выданье поулег, хоть и не потух совсем. Среди кукушек у колодца, на посиделках с прялками и в тёплой дымке бань ходили упорные шёпоты, что у «благородных» — а ведь их лекарь-то теперь и сам благородный — поголовно распространено многожёнство. Что у каждого по три-четыре жены, а то и все пять. Так что, робкая надежда, подобная тлеющему под пеплом угольку, ещё теплилась в материнских сердцах. «Авось, и на нашу долю достанется», — вздыхали они, мечтательно глядя в сторону лавки лекаря. Однако, основное внимание переключилось на молодого Генриха. Парень входил в тот возраст, когда уже можно жениться, был весьма перспективным, как ученик лекаря, и, что самое главное, абсолютно холостым. Так что среди девиц от тринадцати и старше в селе и округе снова разразилась страшная эпидемия головокружений, мигреней, загадочных покалываний в боку и учащённого сердцебиения. Все эти хвори требовали тщательного и неспешного осмотра телес болящей со сто-

роны молодого мастера. Генрих, парень от природы сметливый, прекрасно осознавал природу этих недугов. Тем не менее, с важным видом, нахмутив брови так, как это делал его учитель, он с огромным, хоть и тщательно скрываемым, удовольствием проводил осмотры несчастных девиц, некоторые из которых доходили даже до того, что осмотр проходили без исподней рубахи. Всё это вызывало страшную, чернящую зависть со стороны всей остальной подростковой братии села. Если бы не строжайший, под страхом тяжкой порки, запрет со стороны родителей, его бы точно избili в тёмном переулке за амбарами. Но сельским мальчишкам было сказано прямо и недвусмысленно: «Если на мастере Генрихе появится хотя бы один синяк или шишка — пороть будем всех, с десяти лет и старше, и без всякого разбора виновности. Он теперь — достояние села».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.